

УДК 342.573

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_76

РЕФЕРЕНДУМ КАК ИНСТИТУТ ПАРТИЦИПАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА РЕГИОНОВ

Игорь Владимирович Аксёнов,

Законодательное Собрание Свердловской области,
Екатеринбург, Россия,
aksenov@zssso.ru

Получена 15.04.2024.

Поступила после рецензирования 25.06.2024.

Принята к публикации 05.08.2024.

Для цитирования: Аксёнов И.В. Референдум как институт партиципации: перспектива использования для изменения политического статуса регионов // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 76–91. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_76

Аннотация

Статья посвящена анализу перспективы использования института референдума для изменения политического статуса региона. Целью исследования является обобщение международного опыта организации такого рода референдумов и концептуализация основных особенностей их проведения на региональном уровне в отличие от общенациональных голосований. Рассматриваются особенности спорных институализированных регионов на постсоветском пространстве и использование референдума с целью разрешения политических конфликтов вокруг их политического статуса. Выдвигается тезис о том, что референдум является общепризнанным институтом политической партиципации, применяемым для решения общественно значимых политических вопросов на национальном уровне. В то же время, на региональном уровне его проведение сопряжено с некоторым количеством сложностей.

© Аксёнов И.В., 2024

Анализ регионального опыта происходит путем рассмотрения исторических примеров и анализа политических последствий. В работе отмечается, что исторически первым прецедентом использования референдума для определения политического статуса региона является голосование о независимости Норвегии. Анализируются и другие примеры: референдумы в Исландии, Монголии, Восточном Тиморе. Автор обобщает все наиболее значимые голосования такого рода, происходившие с 2006 по 2021 гг. Делается вывод о наличии большого количества примеров, когда голосования организовывались в отсутствие нормативной возможности их проведения на национальном уровне (в условиях вооруженных конфликтов и военного присутствия иностранных юрисдикций), что никак не влияет на признание результатов референдума и предопределяет организационные особенности их проведения. Международную реакцию на решения обуславливают сугубо политические факторы, а также возможность отстоять результат путем контроля над регионом.

Ключевые слова:

референдум, политическая партиципация, регион, регионализм, постсоветское пространство, политический конфликт, новые территории

UDC 342.573

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_76

THE REFERENDUM AS AN INSTITUTION OF PARTICIPATION: PROSPECTS FOR ITS USE IN CHANGING THE POLITICAL STATUS OF REGIONS

Igor V. Aksenov,

Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region,
Ekaterinburg, Russia,
aksenov@zssso.ru

Received 15.04.2024.

Revised 25.06.2024.

Accepted 05.08.2024.

For citation: Aksenov, I.V. (2024). The Referendum as an Institution of Participation: Prospects for Its Use in Changing the Political Status of Regions. *Discourse-P*, 21(3), 76–91. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_76

Abstract

The article analyzes the prospects of employing referendums to change the political status of regions. The primary objective of this study is to generalize international experience regarding such referendums and to conceptualize their key characteristics at the regional level, distinguishing them from national votes. The article examines the unique features of disputed institutionalized regions in the post-Soviet context and the utilization of referendums to address political conflicts concerning their status. It is argued that the referendum is a generally recognized instrument for political participation, employed to resolve significant political issues at the national level. However, its implementation at the regional level is fraught with a number of challenges. The analysis of regional experiences is conducted through historical examples and an examination of policy implications. Notably, the article identifies the first historical precedent for a referendum to determine a region's political status as Norway's independence vote. Additional case studies include Iceland, Mongolia, East Timor. The author summarizes the most significant referendums conducted from 2006 to 2021, concluding that numerous instances have occurred where voting was organized without regulatory frameworks for such actions at the national level. Cases are also presented in which referendums were facilitated in conditions of armed conflicts and foreign military presence. These factors did not appear to undermine the legitimacy of referendum results, or organizational aspects of referendum's execution. Instead, the international response to these decisions is shaped by mere political reasons – the ability to substantiate the outcome through imposing control over the region.

Keywords:

referendum, political participation, region, regionalism, post-Soviet space, political conflict, new territories

---

Введение

Трансформация политики в современном мире приводит к появлению новых и переосмыслению традиционных политических институтов. Основным направлением изменений является рост политической инклюзии за счет расширения политической партиципации. Наиболее традиционным институтом являются выборы. Но наибольшую актуальность приобретают те институты, которые позволяют решать политические противоречия и формулировать решения, влияющие на будущее народов. Для принятия подобных решений необходимы иные подходы, позволяющие найти политический консенсус.

Одним из таких институтов является референдум. Его проведение предполагает перенос акцента принимаемых решений с представительной власти на непосредственное участие населения. Результаты такого волеизъявления могут носить как императивный, так и факультативный характер. В обоих случаях факт проведения голосования может стать основой для принятия институциональных решений.

Особое значение референдум имеет на региональном уровне, выступая в качестве основы для трансформации политического статуса региона. Он становится универсальным методом определения мнения граждан относительно общественно значимых вопросов и урегулирования вертикальных конфликтов в государстве. Проведение голосования способно разрешать споры, снижать уровень эскалации, способствовать прекращению политических и вооруженных конфликтов. Характер решений может быть полярно отличным: от вектора на более глубокую интеграцию до «цивилизованного развода» с последующим получением независимости.

Несмотря на то, что в настоящее время фокус исследовательского внимания смещен на бывшие регионы юго-востока Украины, ставшие полноправными субъектами РФ, прецедентов фундаментального изменения политического статуса регионов несколько больше. Только на территории постсоветского пространства существует множество примеров конфликтных ситуаций, разрешение которых может быть реализовано путем проведения и реализации результатов референдума. Как правило, в данном контексте упоминаются Гагаузия, Приднестровье, Крым, Севастополь, Херсонская область, Запорожская область, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика, отчасти – Республика Каракалпакстан. Данный перечень политических кейсов не является уникальным и отсылает к фундаментальному вопросу, можно ли использовать те или иные формы политической партиципации для изменения политического статуса региона.

Для ответа на данный вопрос необходимо очертить рамки того, насколько международный опыт применим для анализа политических процессов, происходящих на постсоветском пространстве. А также возможности его экстраполяции для идентификации инструментов решения политических конфликтов и определения политического будущего для институализированных регионов, имеющих спорный статус. Существует устоявшееся мнение о возможности применения международного опыта и универсальных принципов для организации референдума на национальном уровне, когда голосование проходит на всей территории страны. Насколько данный опыт применим для решения региональных вопросов – остается предметом для дискуссии.

Изменение политического статуса региона путем референдума

Региональные референдумы (или иные схожие формы политической партиципации) подобного рода будут иметь ряд фундаментальных отличий. Во-первых, они проходят на региональном уровне в условиях, когда со стороны национального уровня осуществляется политическое или административное давление. Как правило, центр имеет собственную диспозицию относительно результатов голосования. В том числе, может осуществляться административное или политическое противодействие. Подведение итогов волеизъявления, как правило, тоже происходит не на региональном, а на национальном уровне.

Во-вторых, применение инструментов такого рода для голосования в части государства может не иметь исчерпывающей правовой базы. Такая ситуация

является естественной, так как в большинстве случаев при наличии политических отличий между регионами государство, в которое они входят, может быть не заинтересовано в расширении доступных инструментов политической партиципации на любых уровнях, кроме национального. В такой ситуации регионы могут апеллировать к международным нормам, стандартам и практикам политической партиципации, а также создавать необходимые нормы, опираясь на доступные механизмы формирования правовой базы для реализации волеизъявления граждан.

В-третьих, вопрос признания результатов такого волеизъявления носит скорее политический характер и не основывается на анализе легальности и легитимности проведенного голосования. Для имплементации результатов волеизъявления регион в свою очередь вынужден либо апеллировать к международным нормам и практикам, активно привлекая внимание мирового сообщества с использованием средств массовой информации, либо продавливать данное решение путем укрепления собственной государственности и заключения межгосударственных соглашений как свидетельства признания нового политического статуса. Заключение подобных соглашений в рамках парадипломатии до самого проведения референдума увеличивает вероятность признания его результатов (Баков, Керимов, 2018).

Сам факт появления необходимости определения и модернизации политического статуса регионов обусловлен процессом развития региональной идентичности как таковой и ее институционализации (Стризое, 2021). Соответственно, попутно появлению данной политической проблематики, запроса со стороны общества, закономерно появляются и формы репрезентации интересов, основной из которых является институт референдума.

Научный анализ проведения региональных референдумов касательно политического статуса региона возможно осуществить с помощью переосмысления устоявшихся классификаций референдума. В частности, один из подходов предполагает, что формы политического участия могут быть двух видов: институциональные и внеинституциональные (Болховитина, 2011). Традиционно в понимание институциональных форм включаются такие формы политического участия, которые всецело основываются на действующем законодательстве. Внеинституциональные образования при этом представляют собой такие формы политического участия, которые не соответствуют действующему законодательству. Иногда последние могут маркироваться как маргинальные и нелегальные. С другой стороны, их допустимо рассматривать как способ компенсировать отсутствие легальных инструментов политической партиципации в условиях, когда данные инструменты могут не создаваться государствами вполне намеренно.

Эти механизмы необходимы, чтобы быть основой для институционализации региона как политического сообщества, что отвечает актуальному тренду на рост регионализма по всему миру (Бутенко, Мохаммади, 2020). В отдельных случаях этот тренд обличается конкретными политическими действиями, в том числе – с использованием референдума как института политической партиципации.

Обращаясь к анализу вопроса более подробно, стоит отметить наличие достаточно исчерпывающего количества подобных референдумов в странах дальнего зарубежья, основная часть которых приходится на XX век. Как отме-

чается в исследованиях, есть группа стран, проведение референдума в которых стало основой для их современной государственности (Пономаренко, 2019).

Так, первым значимым прецедентом было получение независимости Норвегии после проведения референдума в 1905 г. На момент организации инициативы о проведении референдума страна была частью королевства Швеция, но в силу исторических причин имела политически институализированный статус как за счет предшествующего опыта самостоятельной государственности, так и за счет культурных и языковых отличий. Какой-либо правовой базы на национальном уровне для проведения данного референдума не существовало.

Следующим историческим прецедентом стала независимость Исландии в 1944 г. Референдум проходил на фоне Второй мировой войны в условиях, когда материковая часть Дании была оккупирована немецкими войсками, а часть ее территории – остров Исландия – был под оккупацией американских войск. Соответственно, голосование проходило без одобрения национальными властями на территориях, физический контроль за которыми осуществлялся иностранной юрисдикцией. Признание результатов этого референдума носит скорее политический характер и связано с позицией стран-победительниц.

В 1945 г. актуализировался вопрос о независимости Монголии. Юридически это была территория Китая, фактически неподконтрольная ему с 1911 г. Референдум фиксировал реально сложившуюся ситуацию, проводился в условиях военного конфликта в самом Китае, не имел опоры на национальное законодательство. Результаты референдума были признаны основными странами того времени и на сегодняшний день не оспариваются.

Также интересным международным прецедентом стал референдум о статусе Восточного Тимора. Бывшая португальская колония стала объектом крупного международного конфликта, основными акторами которого являлись индонезийская и австралийская военные группировки, а также различного рода локальные силы. Длительная оккупация региона со стороны Индонезии только увеличила желание местных жителей изменить политический статус региона в сторону суверенизации. Голосование по этому вопросу было инициировано резолюцией Совета Безопасности ООН от 11 июня 1999 г. Референдум был проведен 30 августа 1999 г., в его результате курс на независимость региона был поддержан 78,5% проголосовавших. На реализацию результатов понадобилось три года, спустя которые в 2002 г. появилось новое государство – Демократическая Республика Восточный Тимор (Пономаренко, 2019).

Данные прецеденты и их международное признание позволяет говорить о том, что референдум в отдельно взятом регионе по вопросу его политического самоопределения является устоявшимся институтом политической партиципации. При том, что данные голосования могли проводиться в ситуации, когда национальное законодательство не предполагает права на региональный референдум, а в ходе его проведения существуют значимые политические разногласия между регионом и государством.

Предметом референдума о политическом статусе региона не обязательно должна выступать независимость. В этом качестве могут выступать любые аспекты модернизации политического статуса: изменение характера правоот-

ношений с учетом национальных особенностей, вопрос о политической, административной, культурной или иной автономии.

На протяжении XXI в. было проведено как минимум 22 региональных референдума, касающихся изменения политического статуса конкретного региона. Данные голосования в процентном отношении приводятся автором настоящей статьи в Таблице 1, составленной на основе изучения материалов ряда теоретических (Киселев, Киселёва, 2019; Пономаренко, 2019) и эмпирических источников¹.

Таблица 1 – Референдумы об изменении политического статуса региона в период с 2006 по 2021 годы (данные сгруппированы по уровню поддержки населением нового политического статуса)

Table 1 – Referendums on the regional political status changing in the period from 2006 to 2021 (data grouped by level of population support for the new political status)

Часть света	Год референдума	Регион	Уровень поддержки, %
Азия	2006	Южная Осетия	99,8
Америка	2013	Фолклендские острова	99,8
Европа	2014	Гагаузия	98,9
Африка	2011	Южный Судан	98,8
Европа	2006	Приднестровье	98,1
Америка	2017	Пуэрто-Рико	97,2
Африка	2001	Сомалиленд	97,1
Европа	2014	АР Крым	96,8
Европа	2009	Ареньс-де-Мунт (Каталония)	96,2
Европа	2014	Луганская НР	96,2
Европа	2014	Севастополь	95,6
Азия	2017	Иракский Курдистан	92,7
Европа	2014	Каталония	91,8
Европа	2017	Каталония	90,2
Европа	2014	Венето	89,1
Европа	2014	Донецкая НР	89,1
Океания	2007	Токелау	64,5
Океания	2006	Токелау	60,1

¹ Как проходили референдумы о самоопределении в некоторых странах (2022, 23 сентября). Взято 15 мая 2024, с <https://tass.ru/info/15843213>

Часть света	Год референдума	Регион	Уровень поддержки, %
Европа	2006	Черногория	55,5
Америка	2012	Пуэрто-Рико	46,0
Европа	2014	Шотландия	44,7
Океания	2018	Новая Каледония	43,6

Данные референдумы могли быть нацелены как на отделение (например, Сомалиленд (2001) или Южный Судан (2011)), но также и на более плотную интеграцию (Пуэрто-Рико (2012 и 2017) или Фолклендские острова (2013)). Большая часть подобных референдумов проходила при высоком перевесе голосов за вариант, предполагавший изменение политического статуса региона, но есть ряд исключений. В случае пуэрториканского референдума предмет голосования предполагал сохранение свободной ассоциации и вхождение в состав США в качестве штата. Вынесенный вопрос был сформулирован таким образом, чтобы узнать, выступают ли жители острова за сохранение текущего статуса. Отрицательный результат стал основой для дальнейшей парламентской сессии с предложением о трансформации политического статуса. Фактически, полученные результаты соответствовали первоначальной инициативе.

Референдум о независимости Черногории путем ее отделения от союзного государства Сербии и Черногории прошел с минимальным отрывом, но законодательная база предусматривала принятие решения простым большинством. Иная ситуация сложилась в Токелау (Подвинцев, 2015). Организаторами референдума выступили структуры ООН. Плебисцит рассматривался как способ деколонизации данной территории путем придания ей суверенитета с последующей возможной ассоциацией с Новой Зеландией. Как ООН, так и власти Новой Зеландии настаивали на принятии решения квалифицированным большинством в 2/3 от участников голосования. Обе попытки провести референдум не набрали искомого значения – процесс суверенизации был остановлен. Референдумы в Шотландии и Новой Каледонии имели долгую процессуальную историю согласования и проводились в тех нормативных рамках, которые были очерчены на национальном уровне (Зверева, 2020). Предшествующий период агитации и ожидания также повлиял на результаты – в обоих случаях территории отказались от независимости и предпочли сохранение текущего статуса.

Среди примеров, не указанных в таблице, можно также отметить референдум о независимости острова Бугенвиля². Данная самоуправляемая часть Папуа-Новой Гвинеи боролась за образование нового государства. Плебисциту предшествовала длительная гражданская война, окончившаяся в 2001 г. Голосование было организовано международной комиссией и не оспорено ООН,

² Салов, Д. (2019, 11 декабря). *Жители острова Бугенвиль в Океании проголосовали за отделение от Папуа-Новой Гвинеи*. Взято 15 мая 2024, с <https://anna-news.info/zhiteli-ostrova-bugenvil-v-okeanii-progolosovali-za-otdelenie-ot-papua-novoj-gvinei/?ysclid=m0p19qw97r847530810>

однако в учредительных документах было отмечено, что результаты референдума не имеют императивного характера. Вопрос о признании результата и его реализации является предметом политических дискуссий и по настоящее время.

Само наличие столь значимого числа региональных референдумов по изменению политического статуса региона свидетельствует о следующем:

Во-первых, в международной практике использование референдума для определения политического статуса регионов является устоявшейся практикой. В большинстве случаев их результатом могут быть три вида последствий: 1) может быть достигнута более тесная интеграция региона и государства; 2) региону может быть предоставлена более широкая автономия; 3) региону может быть предоставлено право самоопределения вплоть до обретения суверенитета и независимости.

Во-вторых, референдумы по изменению политического статуса регионов могут проходить при отсутствии национально-политических традиций проведения референдума и исчерпывающей правовой базы. В таких случаях вопрос о легальности их проведения прямо пропорционален уровню легитимности результата.

В-третьих, вопрос о модернизации политического статуса региона может и должен решаться путем использования института референдума.

С опорой именно на данные позиции исходило руководство территориями со спорным политическим статусом на пространстве бывшего СССР. В частности, распад советского государства актуализировал потребность в новых формах политической партиципации по национальной проблематике, результатом чего стало проведение в 1991 г. следующих референдумов: о независимости Приднестровья (референдум по утверждению Конституции проведен в 1995 г.), о независимости Нагорно-Карабахской республики (референдумы по Конституции состоялись в 2006 и 2017 гг.), референдумы о независимости и воссоединении с Россией в Южной Осетии (Гаглоев, 2017).

В 1991–2014 гг. на Украине состоялась целая серия региональных референдумов: в 1991 г. – референдум об автономном статусе Крыма, а в 2014 г. – референдумы о присоединении Крыма и Севастополя к Российской Федерации; в 1994, 2004 и 2006 гг. – голосование («совещательный опрос») относительно автономии Донецкой и Луганской областей, о федерализации Украины (Груздев, Левченко, 2019). Вдохновляясь примером Крыма, жители ДНР (Донецкая Народная Республика) и ЛНР (Луганская Народная Республика) в мае 2014 г. провели референдумы, на которых подавляющее большинство граждан высказалось за независимость данных территорий от Украины³.

В целом ряде случаев результаты региональных референдумов не признавались на национальном уровне и реализовывались в меру нарастания вооруженного конфликта с последующими попытками силовой имплементации результатов волеизъявления. Существуют разные оценки данных событий. На Украине, к примеру, полностью отсутствовала нормативно-правовая база для

³ «Была надежда, что мы повторим путь Крыма». 10 лет назад в ДНР и ЛНР прошли референдумы о независимости. Как это было? (2024, 11 мая). Взято 15 мая 2024, с <https://lenta.ru/articles/2024/05/11/referendum/?ysclid=m0p3k8buey528735538>

проведения регионального референдума. Однако следует заметить, что подобная правовая база отсутствовала и при проведении большинства иных региональных референдумов, признанных в последствии мировым сообществом.

В целях обеспечения высокого уровня легитимности процедуры территориального отделения от национально-государственных структур посредством партиципации регионы вынуждены были обращаться к международным традициям проведения референдумов. В этом отношении, при наличии вопросов к нормативной части, у экспертов не вызывает сомнения соответствие результатов голосования политической воле жителей отделяемых территорий. Это свидетельствует о том, что даже при низкой правовой институционализации, на первый взгляд недостаточной для проведения голосования согласно установленной процедуре, референдум является легитимным инструментом политической партиципации в целях решения вопроса о политическом статусе региона (Токарев, 2015). Решение о присоединении к Российской Федерации также было принято в соответствии с международными традициями, а именно: регионы сначала провозгласили свою самостоятельность, были признаны в качестве полноценных акторов международных отношений и лишь после этого приняли решение о вхождении в состав соседнего государства. Последующая интеграция данных субъектов имела четко выраженную цивилизационную природу (Карнаух, 2022) и основывалась на общей идентичности (Кислицын, 2019).

В украинском законодательстве по настоящее время не было и нет возможности проведения референдумов на региональном уровне. Это свидетельствует о недостаточном развитии инструментов политической партиципации. Данная ситуация является типичной в государствах с высоким уровнем политических отличий между регионами и обусловлена желанием противопоставить регионализации централизацию. Данный процесс может иметь не только правовую природу, но и аксиологическую, в виде целенаправленной политики памяти, направленной на лишение региона политической субъектности (Русакова, 2023; Русакова, Грибовод, Моисеенко, 2022).

Вопрос о присоединении к России в 2022 г. новых территорий сегодня активно дискутируется. Если Крым и Севастополь сразу после получения независимости изъявили желание войти в состав Российской Федерации, то ДНР и ЛНР, не смотря на аналогичный декларируемый курс, до 2022 г. были вынуждены осуществлять государственное строительство в качестве независимых субъектов. Отмечается, что «была проделана огромная работа, отражающая последовательное становление и укрепление Луганской Народной Республики как демократического, правового и социального государства: нормативно закреплены базовые принципы народовластия, запущены механизмы, обеспечивающие соблюдение прав и свобод человека, гарантирующие выполнение социальных обязательств перед населением» (Бабичева, 2017). Аналогичные процессы происходили и в Донецкой Народной Республике.

Становление субъектности данных образований, на наш взгляд, позволило продвинуться в деле развития института референдума уже на национальном уровне. Говорить о возможности политической партиципации такого рода позволяет тот факт, что в период 2014–2022 гг. народные республики обладают всеми признаками государственности (Бабичева, 2017), а также признаками

актора международных отношений, который может вступать в сношения с другими акторами мировой политики (Груздев, Левченко, 2019). В частности, среди важнейших признаков отмечаются следующие: признание в других государствах документов, выданных в этих странах (в том числе удостоверения личности и документы об образовании), наличие внешних экономических связей, способность вступать в сношения с другими государствами по взаимному согласию (Худолей, 2020). Это позволило им в качестве независимых государств уже в 2022 г. принять решение о проведении новых референдумов – на предмет вхождения в состав Российской Федерации на правах субъектов. В сентябре 2022 г. состоялись соответствующие референдумы в Донецкой и Луганской Народных Республиках, а также в Херсонской и Запорожской областях.

Референдумы 2022 года проходили в разных правовых обстоятельствах, так как ЛНР и ДНР к тому времени были уже вполне сложившимися государствами, имеющими опыт независимого развития, а Херсонская и Запорожская область находились еще на стадии становления собственной государственности.

Международная реакция на данные референдумы со стороны коллективного Запада, в целом, негативна: «Ряду регионов, жители которых абсолютным большинством высказались за изменение политического статуса своих территорий, «мировое сообщество» в признании результатов прямого волеизъявления отказывается» (Киселев, Киселёва, 2019). Вместе с тем, стоит заметить, что сам факт проведения данных референдумов не носит уникальный характер и не создает политический прецедент, а лишь продолжает устоявшуюся мировую практику использования референдума как института политической партиципации для определения политического будущего региона.

Для дальнейшего изучения референдумов, проводимых на постсоветском пространстве, мы предлагаем к рассмотрению авторскую классификацию региональных референдумов, затрагивающих вопросы политического будущего, возникновение которых в значительной степени обусловлено распадом СССР (Скоробогачкий, 2023).

Итак, по наличию у региона опыта институционального законодательства, референдумы можно разделить на следующие типы: 1. *Образующие*. Такие референдумы проводятся на основе устоявшихся региональных норм и законов. Референдумы данного рода проходили в Абхазии, Нагорно-Карабахской Республике, Крыму и Севастополе, ДНР и ЛНР; 2. *Формирующие*. Такие референдумы сами становились основой для будущего формирования региональных норм и законов. Референдумы этого рода проходили в Южной Осетии, Приднестровье, Запорожье, Херсоне.

Заключение

Обобщая полученные результаты исследования, можно сделать несколько основных выводов.

Во-первых, институт референдума используется как способ изменения политического статуса региона. Региональные референдумы о политическом статусе возникают в международной практике в начале XX века. С тех пор прошло множество голосований, признанных международным сообществом.

Во-вторых, голосование, как правило, может проводиться безотносительно наличия возможности проведения референдума в нормативно правовой базе на национальном уровне. Такая база, чаще всего, не предполагается ввиду либо отсутствия потребности, либо в случае отсутствия политической воли на национальном уровне. Чаще всего государства не заинтересованы в модернизации политического статуса отдельных регионов и могут искусственно затруднять данный процесс. В таком случае, организационная основа проведения голосования создается регионом самостоятельно с учетом международного опыта проведения плебисцитов и путем апелляции к праву наций на самоопределения.

В-третьих, в международной практике достаточно много региональных референдумов по изменению политического статуса региона, реализуемых в условиях военного конфликта, в том числе с присутствием войск иностранной юрисдикции. Первым таким референдумом стал референдум о независимости Исландии, проводимый под американской оккупацией.

В-четвертых, с инициативой о проведении регионального референдума, в случае политического и вооруженного конфликта, может выступать ООН. Однако вмешательство данной организации возможно только в том случае, если спорный вопрос не касается одной из стран-членов Совета Безопасности или их ближайших политических союзников. В данной ситуации высок риск использования права вета, которым обладают постоянные члены. Учитывая данную практику, допустимо предположить, что в будущем с инициативой референдума могут выступать иные универсальные международные организации, например Шанхайская Организация Сотрудничества или Лига Арабских Государств.

В-пятых, голосования по изменению политического статуса региона, как правило, носят факультативный характер. Они используются для агрегации и артикуляции политической воли населения и, впоследствии, реализуются органами публичной власти. Императивная природа референдума, в данном случае, затруднительна из-за инструментальной сложности реализации принимаемых решений.

В-шестых, вопрос реализации результата референдума об изменении политического статуса региона напрямую коррелирует с возможностью и способностью отстоять его политическими, административными и военными методами. Для воплощения результата необходим высокий уровень контроля организующих голосование властей за регионом.

В-седьмых, вопрос признания результатов носит политизированный характер и зависит от диспозиции сил на международной арене. Возникающие после проведения плебисцита правовые и политические последствия мало зависят от механизма и характера проведения самого голосования.

В-восьмых, постсоветское пространство не имеет каких-либо значимых особенностей, позволяющих говорить о неприменимости международного опыта к местным институциональным регионам. Соответственно, проведение референдумов по вопросу изменения политического статуса региона в конфликтных точках бывшего СССР подчиняется логике текущего соотношения сил.

Список литературы

1. Бабичева, Н. А. (2017). Признаки государственности в контексте признания Луганской Народной Республики международным сообществом. *Вестник Костромского государственного университета*, 23(3), 234–238.
2. Баков, А. А., Керимов, А. А. (2018). Регионы в международной деятельности: факторы развития парадипломатии. *Дискурс-Пи*, (3–4), 164–172. <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.164172>
3. Болховитина, Т. С. (2011). Дискурсивные аспекты классификации форм политического участия. *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*, (3–1), 247–253.
4. Бутенко, В. А., Мохаммади, Ш. (2020). Регионализация и «новый» регионализм. *Право и политика*, (7), 105–113.
5. Гаглоев, Д. В. (2017). Непризнанные (частично признанные) государства как феномен конституционного права на современном этапе. *Юридическая наука*, (1), 33–36.
6. Груздев, В. В., Левченков, А. И. (2019). Республики Донбасса как международный политико-правовой прецедент. *Вестник Костромского государственного университета*, 25(3), 143–147. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-3-143-147>
7. Зверева, Т. В. (2020). Современные подходы Франции к разрешению территориальных споров. *Современная Европа*, (5), 155–164. <https://doi.org/10.15211/soveurope52020155164>
8. Карнаух, Е. И. (2022). Интеграция Крыма и Донбасса с Российской Федерацией в контексте полицивилизационной парадигмы Хантингтона. *Постсоветский материк*, (1), 13–22. https://doi.org/10.48137/2311-6412_2022_1_13
9. Киселев, С. Н., Киселёва, Н. В. (2019). Референдумы XXI в. По изменению территориально-политического статуса регионов и двойные стандарты «мирового сообщества». *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 5(2), 50–57.
10. Кислицын, С. А. (2019). Предпосылки интеграции де-факто суверенных народных республик Донбасса в постсоветские объединения с участием Российской Федерации. *Власть*, 27(4), 138–141. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6618>
11. Подвинцев, О. Б. (2015). О типах островных автономий в современном мире. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, (4), 95–109.
12. Пономаренко, А. Н. (2019). Конституционные и наднациональные стандарты в сфере референдума и право народов на самоопределение. *Закон и право*, (5), 57–60. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10196>
13. Русакова, О. Ф. (2023). Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России. *Дискурс-Пи*, 20(2), 32–51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32
14. Русакова, О. Ф., Грибовод, Е. Г., Моисеенко, Я. Ю. (2022). Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов. *Дискурс-Пи*, 19(2), 154–171. https://doi.org/10/17506/18179568_2022_19_2_154

15. Скоробогачкий, В.В. (2023). Судьба СССР: теоретическая загадка или идеологический миф? *Антиномии*, 23(4), 67–95. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_67
16. Стризов, А.Л. (2021). Пути политической модернизации России и традиции политической культуры. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 26(3), 95–107. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>
17. Токарев, А.А. (2015). Электоральная история постсоветского Крыма: от УССР до России. *Вестник МГИМО-Университета*, (5), 32–41.
18. Худoley, К.М. (2020). Организация государственной власти в самопровозглашенных (непризнанных и частично признанных) государствах республик бывшего Советского Союза. *Ex Jure*, (3), 50–63. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2020-3-50-63>

References

1. Babicheva, N. A. (2017). *Priznaki gosudarstvennosti v kontekste priznaniya Luganskoj Narodnoy Respubliki mezhdunarodnym soobshchestvom* [Signs of Statehood in the Context of the Recognition of the Lugansk People's Republic by the International Community]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23(3), 234–238.
2. Bakov, A. A., & Kerimov, A. A. (2018). *Regiony v mezhdunarodnoy deyatel'nosti: faktory razvitiya paradiplomatii* [Regions in International Activity: Factors of Development of the Paradiplomacy]. *Diskurs-Pi*, (3–4), 164–172. <https://doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.164172>
3. Bolkhovitina, T. S. (2011). *Diskursivnye aspekty klassifikatsii form politicheskogo uchastiya* [Classification Discursive Aspects of the Political Participation Forms]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, (3–1), 247–253.
4. Butenko, V. A., & Mokhammad, Sh. (2020). *Regionalizatsiya i "novyy" regionalizm* [Regionalization and "New" Regionalism]. *Pravo i politika*, (7), 105–113.
5. Gagloev, D. V. (2017). *Nepriznannye (chastichno priznannye) gosudarstva kak fenomen konstitutsionnogo prava na sovremennom etape* [Unrecognized (Partially Recognized) States as a Phenomenon of Constitutional Law at the Present Stage]. *Yuridicheskaya nauka*, (1), 33–36.
6. Gruzdev, V. V., & Levchenkov, A. I. (2019). *Respubliki Donbassa kak mezhdunarodnyy politiko-pravovoy pretsedent* [Republics of Donbass as an International Political and Legal Precedent]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 25(3), 143–147. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-3-143-147>
7. Zvereva, T. V. (2020). *Sovremennyye podkhody Frantsii k razresheniyu territorial'nykh sporov* [France's Approaches to Territorial Disputes Settlement]. *Sovremennaya Evropa*, (5), 155–164. <https://doi.org/10.15211/soveurope52020155164>
8. Karnaukh, E. I. (2022). *Integratsiya Kryma i Donbassa s Rossiyskoy Federatsiey v kontekste politsivilizatsionnoy paradigmy Khantingtona* [Integration of Crimea and Donbass With the Russian Federation in the Context of Huntington's

Polycivilizational Paradigm]. *Postsovetskiy materik*, (1), 13–22. https://doi.org/10.48137/2311-6412_2022_1_13

9. Kiselev, S.N., & Kiseleva, N.V. (2019). Referendумы XXI v. Po izmeneniyu territorial'no-politicheskogo statusa regionov i dvoynye standarty "mirovogo soobshchestva" [The Referendums of the XXI Century to Change the Territorial and Political Status of the Regions and the Double Standards of the "World Community"]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, 5(2), 50–57.

10. Kislitsyn, S.A. (2019). Predposylki integratsii de-fakto suverennykh narodnykh respublik Donbassa v postsovetskie ob»edineniya s uchastiem Rossiyskoy Federatsii [Prerequisites for the De Facto Integration of the Sovereign People's Republics of Donbass Into Post-Soviet Associations with the Participation of the Russian Federation]. *Vlast'*, 27(4), 138–141. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6618>

11. Podvintsev, O.B. (2015). O tipakh ostrovnykh avtonomiy v sovremennom mire [About the Types of Island Autonomies in the Modern World]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, (4), 95–109.

12. Ponomarenko, A.N. (2019). Konstitutsionnye i nadnatsional'nye standarty v sfere referenduma i pravo narodov na samoopredelenie [Constitutional and Supranational Standards in the Field of Referendums and the Right of Peoples to Self-Determination]. *Zakon i pravo*, (5), 57–60. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10196>

13. Rusakova, O.F. (2023). Diskurs gosudarstvennoy politiki pamyati kak faktor formirovaniya natsional'noy identichnosti sovremennoy Rossii [The Discourse of the State Memory Politics as a Factor in the Formation of the National Identity of Modern Russia]. *Diskurs-Pi*, 20(2), 32–51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32.

14. Rusakova, O.F., Gribovod, E.G., & Moiseenko, Ya.Yu. (2022). Diskurs politiki pamyati: issledovaniya simvolicheskikh aspektov [Discourse on the Politics of Memory: Studies of Symbolic Aspects]. *Diskurs-Pi*, 19(2), 154–171. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_154

15. Skorobogatkiy, V.V. (2023). Sud'ba SSSR: teoreticheskaya zagadka ili ideologicheskii mif? [The Fate of the USSR: A Theoretical Mystery or an Ideological Myth?]. *Antinomii*, 23(4), 67–95. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_4_67

16. Strizoe, A.L. (2021). Puti politicheskoy modernizatsii Rossii i traditsii politicheskoy kul'tury [Ways of Political Modernization of Russia and Traditions of Political Culture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 26(3), 95–107. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>

17. Tokarev, A.A. (2015). Elektoral'naya istoriya postsovetskogo Kryma: ot USSR do Rossii [The Electoral History of the Post-Soviet Crimea: From UkSSR to Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, (5), 32–41.

18. Khudoley, K.M. (2020). Organizatsiya gosudarstvennoy vlasti v samoprovozglashennykh (nepriznannykh i chastichno priznannykh) gosudarstvakh respublik byvshego Sovetskogo Soyuza [The Organization of State Authority in the Contested States of the Republic of the Former Soviet Union]. *Ex Jure*, (3), 50–63. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2020-3-50-63>

Информация об авторе

Акёнов Игорь Владимирович, депутат, Законодательное Собрание Свердловской области, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-4714>, e-mail: aksenov@zssso.ru

Information about the author

Aksenov Igor Vladimirovich, Member, Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-4714>, e-mail: aksenov@zssso.ru

---